

ОДИНОЧНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАСЕЙНА р. НУРЫ

А.А. Ткачев*, В.С. Волошин**

Статья посвящена погребальным комплексам раннего железного века, изученным на правом берегу р. Нуры, сопоставимым с древностями тасмолинской культуры Центрального Казахстана. На основании анализа погребального обряда и вещевого инвентаря обосновывается раннескифское время исследованных объектов, оставленных в процессе сезонных перемещений ранних кочевников.

Тасмолинская культура, курган Садовое, могильник Шапат, раннескифское время.

Активное исследование памятников раннего железного века в степных районах Центрального Казахстана, проводившееся в 50–60-е гг. XX в., позволило выделить тасмолинскую культуру раннего железного века по материалам могильников, изученных в бассейне р. Шидерты. М.К. Кадырбаевым были определены ее основные культурные признаки, разработана периодизация и хронология, выявлены основные направления культурных связей [1966, с. 372–402]. В то же время, несмотря на активное исследование степной зоны Сары-Арки, крупных погребальных комплексов по берегам р. Нуры — основной водной артерии Центрального Казахстана — не обнаружено [Там же, с. 308, рис. 1]. Археологические работы, организованные в 1980-е гг. прошлого столетия, позволили открыть в бассейне р. Нуры лишь небольшие погребальные комплексы, единичные курганы и отдельные захоронения. Это свидетельствует о том, что население, оставившее памятники тасмолинской культуры, использовало долину реки, богатую травостоем, в своей хозяйственной деятельности (рис. 1). Данному виду археологических объектов и посвящена настоящая публикация.

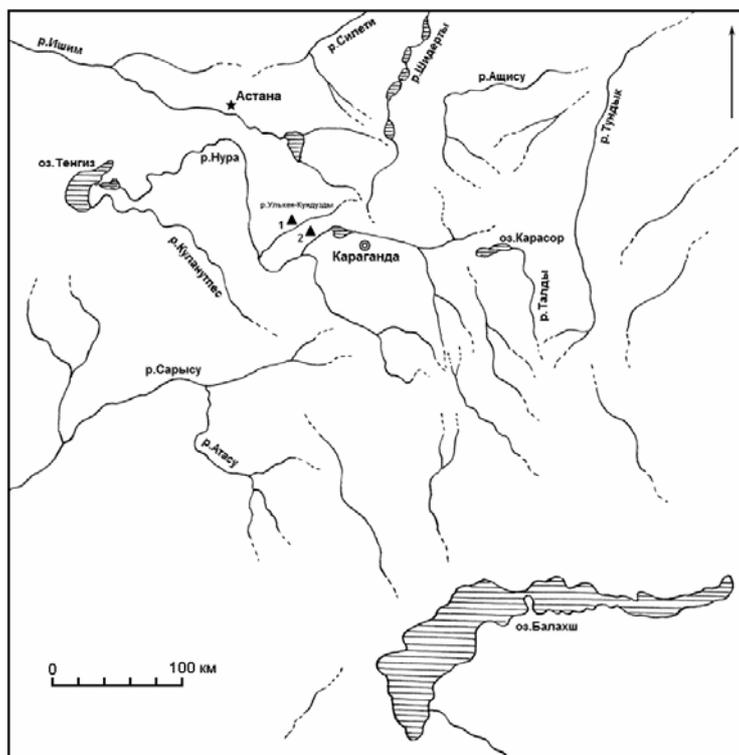

Рис. 1. Карта местоположения исследованных памятников:
1 — курган Садовое; 2 — могильник Шапат

Одиночные захоронения раннего железного века бассейна р. Нуры

Курган Садовое. Обнаружен в процессе поисковых работ в верхнем течении р. Улькен-Кундузды, являющейся правым притоком р. Нуры (рис. 1, 1). Памятник расположен в 6 км к северо-востоку от п. Садовое Осакаровского района Карагандинской области на ровной площадке первой надпойменной террасы правого берега реки, приуроченной к подножию сопки и возвышающейся на 4–5 м над урезом воды в реке. В процессе весеннего таяния снегов паводковые воды, подтапливая пойму, подмывают высокий правый берег (рис. 2, 1). В обрывистом берегу был обнаружен разрез могилы, перекрытой невысоким курганом, от которого сохранился западный сектор сегментовидной формы. Сохранившейся участок позволяет реконструировать курганную насыпь диаметром около 4 м, высотой не более 0,1 м, слабо прослеживаемую на современной дневной поверхности. Насыпь кургана, перекрытая дерново-гумусным слоем толщиной 5–8 см, состояла из чернозема мощностью до 0,2 м, в котором встречались отдельные небольшие камни размером 0,1–0,2×0,2–0,3 м. При разборке насыпи в расположении встреченных камней какой-либо системы, свидетельствующей о наличии надмогильного сооружения в виде ограды, не прослежено (рис. 2, 2).

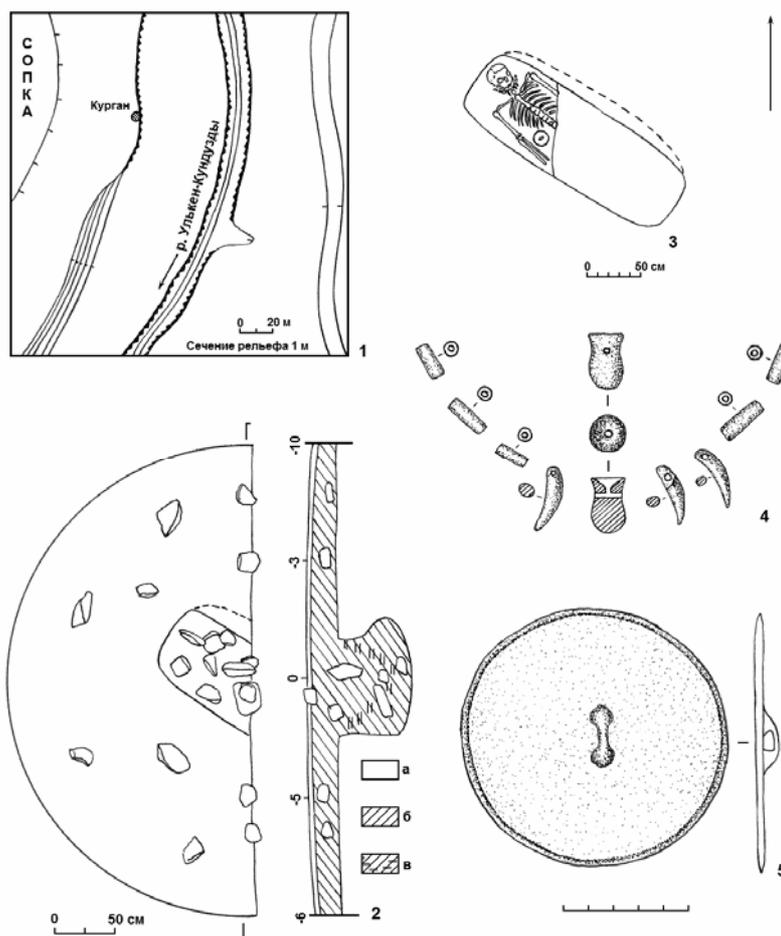

Рис. 2. Курган у п. Садовое:

1 — план местности; 2 — план и разрез кургана; 3 — план захоронения; 4 — каменные бусы; 5 — бронзовое зеркало;
а — дерново-гумусный слой; б — чернозем; в — древесный тлен

В центре исследованного подкурганного пространства располагалась частично сохранившаяся грунтовая яма: длина сохранившейся части 0,5–1,1 м, ширина 0,7 м, реконструируемые размеры ямы 1,9×0,7 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Отдельные камни и древесный тлен в заполнении могилы позволяют предполагать наличие деревянного перекрытия, поверх которого было набросано незначительное количество небольших камней. На глубине -15 см от уровня материка ширина ямы несколько увеличивалась за счет неглубокой

ниши, расположенной в северо-восточной стенке, назначение которой не совсем ясно. Общая глубина овальной в сечении ниши 0,25 м, высота около 0,3 м, максимальная ширина ямы в ее средней части 0,85 м; глубина могильной ямы от уровня материка 0,65 м. Вертикальные стенки ямы плавно переходят в подовальное дно, на котором зафиксировано захоронение женщины. Сохранилась верхняя часть туловища — череп, грудная клетка, кости правой и плечевая кость левой руки. Погребенная женщина лежала на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-запад (рис. 2, 3). В области шеи зафиксированы остатки ожерелья из каменных бус (рис. 2, 4), а между позвонками поясничного отдела и костями предплечья правой руки лежало бронзовое зеркало петелькой вверх (рис. 2, 5).

Вещевой инвентарь, обнаруженный в захоронении, представлен зеркалом и бусами. Диск плоского бронзового круглого зеркала имел диаметр 10,6 см при толщине пластины 0,3 см. Пластина диска по окружности прокована и слегка приострена. К центральной части, с внутренней стороны диска зеркала, приварена ручка-петелька длиной 2,8 см при высоте 0,7 см, диаметр неправильно-овального отверстия 0,8×0,4 см (рис. 2, 5).

Бусы, изготовленные из мягкого белого камня, имеют хорошо зашлифованную поверхность, представлены тремя разновидностями:

1. Сосудообразная бусина — диаметр верхней округлой части «шейки» 1,4 см, общая высота 2,3 см. По внутренней части верхнего среза проходит коническая выемка глубиной около 0,4 см. Высота «шейки» бусины 0,6 см; «шейка» бусины, постепенно сужаясь в диаметре до 1,1 см, начинает плавно расширяться, достигая максимального диаметра по «тулову» до 1,4 см, постепенно переходя в округлое «дно». Бусина имеет три отверстия, соединенных между собой: два, диаметром около 0,2 см, образованы двусторонним горизонтальным сверлением на уровне максимального сужения «шейки»; третье — вертикальным сверлением от дна конического понижения внутри устья бусины до его соединения с горизонтально расположенным каналом, диаметром 0,2 см и глубиной около 0,3 см (рис. 2, 4). Особенности взаиморасположения отверстий позволяют предполагать, что нити, пропущенные особым образом в отверстия, превращали бусину в своеобразный зажим, регулирующий диаметр ожерелья.

2. Бусы-имитаторы, представленные тремя экземплярами, повторяют по форме клыки хищников. Бусы овального сечения, имеют слабо изогнутые очертания. Верхняя часть округло-сглаженная, нижняя — удлинено-приостренная. Одна бусина длиной 2,8 см, в сечении 0,6×0,5 см, вторая — 2,6 см, в сечении 0,4×0,3 см, третья — 2,5 см, в сечении 0,5×0,4 см. В верхней овальной части имеются сквозные отверстия для подвешивания диаметром около 2,5 мм (рис. 2, 4).

3. Удлинено-цилиндрические бусы представлены пятью экземплярами. Длина изделий варьируется от 1,3 до 2,1 см, диаметр 0,4–0,5 см, диаметр сквозных отверстий до 2 мм (рис. 2, 4).

Особенности расположения бус на шее погребенной позволяют реконструировать их взаиморасположение в ожерелье, для которого характерна некоторая асимметричность: в центре располагалась сосудообразная бусина, слева от нее — две клыкообразные и две цилиндрические бусины, справа — одна клыкообразная и три цилиндрические (рис. 2, 4).

Особенности обряда захоронения у п. Садовое имеют прямые аналогии в погребальном обряде тасмолинских племен. В могильнике Тасмола VI между двумя курганами обнаружено захоронение со слабо выраженной насыпью, выделяющееся над уровнем современной дневной поверхности только двумя массивными плитами перекрытия, под которыми обнаружена грунтовая яма, вытянутая в меридиональном направлении и содержащая захоронение мужчины. Сближают эти захоронения не только слабо выраженные насыпи, но и идентичное расположение бронзовых зеркал между правой рукой и костями тела [Кадырбаев, 1966, с. 335, рис. 26, 3; 29, 1, 2]. Находки идентичных зеркал в мужских и женских захоронениях свидетельствуют об универсальности данного типа изделий и их использовании мужчинами и женщинами как в обыденной жизни, так и в погребальном обряде.

Могильник Шапат. Памятник расположен на правом берегу р. Нуры в 2 км к северо-востоку от п. Актобе Тельманского района Карагандинской области (рис. 1, 2) на песчаной дюне, возвышающейся над урезом воды на 4–5 м, расположенной между древним руслом реки и северо-восточным берегом безымянного озера, соединяющегося при весенних паводках протокой с рекой (рис. 3, 1). На вершине дюны сохранились остатки развеевной стоянки XVIII–XIX вв. Захоронения эпохи бронзы расположены по восточному и южному склонам дюны. При исследовании памятника, среди многочисленных захоронений эпохи бронзы выявлена грунтовая яма,

Одиночные захоронения раннего железного века бассейна р. Нуры

которая по особенностям обнаруженного вещевого инвентаря соотносится с древностями раннего железного века [Ткачев, 2002, с. 99, 113].

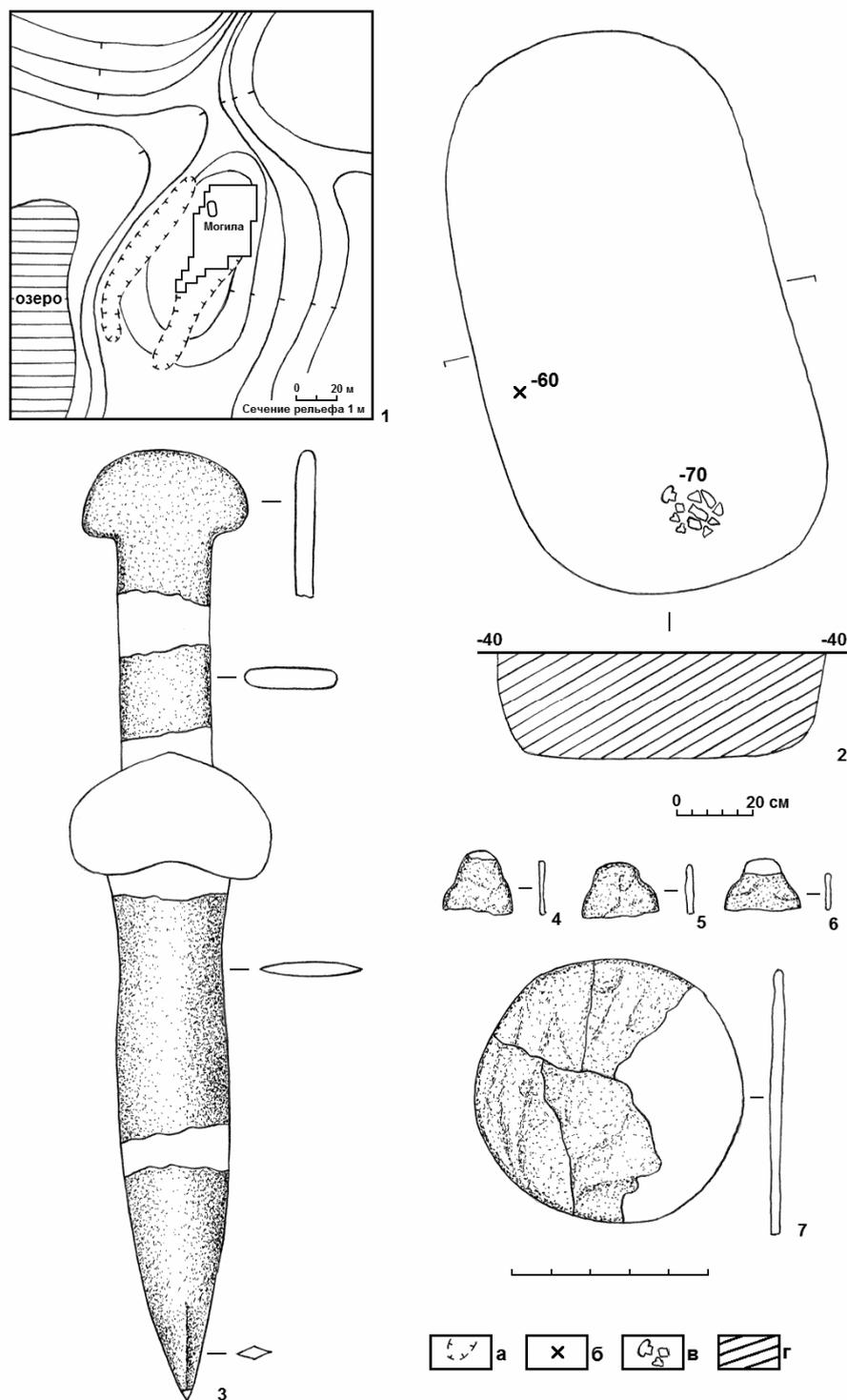

Рис. 3. Могильник Шапат:

1 — план местности; 2 — план и разрез могилы 51; 3 — бронзовый кинжал;
 4-6 — бронзовые накладки; 7 — бронзовое зеркало;
 а — песчаный выдув; б — кремневый скребок; в — скопление бронзовых вещей; г — серый песок

Могилы 51 расположена несколько обособленно в северной высшей точке песчаной дюны — грунтовая яма удлинненно-овальной в плане формы, размером 1,6×0,9×0,3 м, ориентирована по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток (рис. 3, 2). В придонной части ямы, у западной стенки, найден отщеп из серого кремня; у южной — зафиксировано скопление из обломков бронзовых предметов: кинжала, зеркала и накладок. Костные останки погребенного не сохранились. Особенности расположения обнаруженных изделий свидетельствуют, с одной стороны, о ритуальном ограблении данного захоронения, с другой — о преднамеренном разрушении бронзовых изделий и складировании их остатков компактной кучкой с целенаправленным удалением некоторых составных частей.

В обнаруженном скоплении представлены следующие категории изделий:

1. Бронзовый нож-кинжал, относящийся к типу акинаков, отлит из металла хорошего качества, покрытого тонким слоем зеленой патины, в изломе прослеживается металл золотистого цвета. Сохранилось четыре обломка: две части от рукояти (навершие и центральная часть) и две от лезвия (острие, у которого обломан кончик, и центральная часть клинка). Реконструируется кинжал с грибовидным навершием, имевшим, вероятно, характерное для раннескифской эпохи сердцевидное перекрестие, длина кинжала могла достигать 27–30 см. Длина уплощенной, овального сечения рукояти могла достигать 7–8 см, ширина 2,6 см, толщина около 0,5 см; ширина грибовидного навершия 4,6 см, высота 2,2 см, толщина около 0,5 см. Клинок, линзовидного сечения, мог иметь длину от 15 до 20 см, острие клинка, ромбовидного сечения, проковано на длину около 3 см, максимальная толщина клинка около 0,4 см. Клинок, плавно расширенный к центральной части до 3 см, в верхней слегка сужается, до 2,8 см, и вновь расширяется к перекрестью, вероятно, до 3,5 см (рис. 3, 3).

2. Бронзовое зеркало изготовлено из плоской округлой пластины диаметром 7,6 см, толщиной 2–3 мм. Сохранились четыре стыкующихся между собой части изделия, без каких-либо дополнительных деталей. Реконструируется два варианта бытовавшего предмета: зеркало представляло собой простую округлую пластину или имело выступ в виде ручки, находившийся в обломанной части (рис. 3, 7).

3. Бронзовые листовидные накладки изготовлены из бронзового листа толщиной 1,5–2 мм, длина сохранившейся части изделий 0,9–1,5 см. Сохранились обломки трех предметов. Накладки, вероятно, представляли собой удлинненно-овальные изделия шириной 2,0–2,2 см с дополнительным овальным выступом в верхней части шириной 1,3–1,4 см и высотой 0,6–0,8 см (рис. 3, 3–5).

Особенности планиграфического расположения исследованной могилы в пределах изученного участка дюны позволяют предполагать, что данное захоронение представляло собой одиночный курган раннего железного века, располагавшийся в высшей точке первой надпойменной террасы реки. Насыпь, сооруженная из легкого песчаного грунта, с течением времени была частично развеяна и окончательно уничтожена в результате использования береговой площадки в процессе функционирования казахской летовки.

Вещевой инвентарь исследованных захоронений Садовое и Шапат представлен оружием, предметами быта и украшениями.

К оружию ближнего боя относятся обломки кинжала из могильника Шапат (рис. 3, 3), который не имеет прямых аналогий в древностях Центрального Казахстана, в то же время с обнаруженными на данной территории кинжалами его сближают размеры, устройство клинка и наличие грибовидного навершия. Можно предположить, что кинжал имел и характерное для данного типа изделий сердцевидное перекрестие [Кадырбаев, 1966, рис. 66, 10, 20, 21]. Близкие по форме кинжалы известны и на территории Северного Казахстана [Хабдулина, 1994, с. 52–54, табл. 55]. По ряду признаков шапатский кинжал имеет сходство с уйгаракским кинжалом-акинаком [Вишневская, 1973, с. 40, табл. III, 10]. Близкие по форме кинжалы обнаружены в курганах Юстыда и Сайлюгема, где В.Д. Кубаревым среди оружия ближнего боя Горного Алтая выделены кинжалы-акинаки (тип I). Для них характерны следующие признаки: гладкая рукоять, грибовидное навершие, сердцевидное перекрестие, овально-листовидный клинок линзовидного сечения [Кубарев, 1991, с. 73–74, рис. 16, 1–3; 1992, с. 58, рис. 18, 1]. Данный вид изделий большинство исследователей датируют раннескифским временем в пределах VII–VI до н.э. [Акишев, 1973, с. 45, табл. I; Вишневская, 1973, с. 96–97; Кадырбаев, 1966, с. 401, рис. 66], VIII–VI вв. до н.э. [Хабдулина, 1994, с. 54, табл. 52], IX–VI вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 85].

Одинокшие захоронения раннего железного века бассейна р. Нуры

В Горном Алтае кинжалы подобного облика в отдельных случаях продолжают использоваться и в V–IV вв. до н.э. [Кубарев, 1991, с. 133].

Зеркало, обнаруженное в захоронении кургана Садовое, относится к типу зеркал с диском без бортика и центральной ручкой-петелькой (рис. 2, 5). Они достаточно широко распространены в степной полосе, занятой раннескифским населением. В Центральном Казахстане аналогичные зеркала встречены в могильниках Тасмола VI [Кадырбаев, 1966, рис. 26, 3] и Жол-Кудук [Агеева, Максимова, 1959, с. 39, 41, табл. I, 56, 57]; в Северном Казахстане данный тип зеркала обнаружен в могильниках Айдабуль II [Вишневская, 1992, с. 133, рис. 53, 4] и Бектениз [Хабдулина, 1994, с. 59–60, табл. 17, 1]. Подобные зеркала отмечены и в раннесакских комплексах Тянь-Шаня [Заднепровский, 1992, с. 79, табл. 27, 16]. В горных и степных районах Алтая зеркала с ручкой-петелькой обнаружены в могильниках Бийке [Тишкин, 1996, рис. 4, 2; 27, 3], Бойтыгем II [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88, рис. 66, 5], Алагаил [Мартынов и др., 1985, с. 160, рис. 5, 1], Тыткескень VI [Кирюшин и др., 2003, с. 81, рис. 16, 2], Большой мыс [Грязнов, 1992, табл. 69, 24], Новосклюиха I [Тишкин и др., 1996, с. 163, рис. 39, 15]. В лесостепном Приобье близкие изделия происходят из могильников Ордынское I [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 13–14, табл. XIII, 6] и Староалейка 2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 118, рис. 9, 13]. Появление наиболее ранних памятников с данным видом изделий исследователи относят к IX–VIII вв. до н.э., но наиболее широкое использование зеркал с ручкой-петелькой в погребальной практике кочевников азиатских степей приходится на VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 402; Членова, 1992, с. 216; Тишкин, 1996, с. 53; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88]. Определить типологическую принадлежность бронзового зеркала из могильника Шапат (рис. 3, 7) в связи с его фрагментарностью не представляется возможным. В то же время на протяжении всей раннескифской эпохи общая тенденция развития круглых зеркал связана с постепенным уменьшением диаметра и толщины диска, что позволяет датировать подобные типы изделий более широким хронологическим диапазоном в пределах VII–IV вв. до н.э. [Членова, 1992, с. 216].

В раннескифскую эпоху бусы, особенно цилиндрической формы, изготовленные из разных пород камня, достаточно широко распространены в могильниках Казахстана и Алтая как сопровождающий погребальный инвентарь [Вишневская, 1973, с. 82–84; Хабдулина, 1994, с. 60; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 90, рис. 68]. При этом необходимо отметить, что аналогий сосудообразной бусине, использовавшейся в качестве зажима-регулятора, неизвестно. Особую форму имеют и бусины, имитирующие клыки хищных животных. Подвески из клыков и когтей хищников в погребениях ранних кочевников встречаются, но аналогов им в виде имитации из камней ни в Центральном Казахстане, ни на других территориях не отмечено, что позволяет предполагать их местное происхождение. Единственным исключением является имитация когтей медведя из черного камня в захоронении кургана 33 могильника Тыткескень VI на Алтае [Кирюшин и др., 2003, с. 87, рис. 53, 7].

Анализ вещевого инвентаря и погребального обряда свидетельствует о том, что на ранней стадии скифской эпохи в VII–VI вв. до н.э. берега среднего и нижнего течения р. Нуры, в условиях увлажнения климата, использовались кочевниками достаточно активно только в теплое время года. В зимний период, при постоянно дующих ветрах, пойма реки должна была плотно забиваться снегом и получить воду и корм для скота не представлялось возможным. Природно-климатические условия степных районов Сары-Арки способствовали использованию в летнее время берегов р. Нуры при перекочевках только для кратковременных летовок, вокруг которых могли совершаться захоронения людей. В то же время основные родовые кладбища ранних кочевников находились в местах долговременных зимовок, расположенных по берегам малых степных рек, имеющих слабо выраженную пойму. В настоящее время в восточном горном районе Северной Сары-Арки открыты как долговременные зимовки ранних кочевников, так и крупные кладбища ранних кочевников, насчитывающие десятки курганов. Возможно, и в урочище Тасмола, где изучена значительная серия погребальных памятников, существовали долговременные зимовки, а само оно являлось своеобразным культурно-родовым и сакральным центром для значительной группы кочевников Центрального Казахстана. Здесь совершалась и основная часть захоронений, включая, вероятно, значительную часть умерших при летних перекочевках. При этом можно допустить, что погребения в одиночных курганах, расположенных в районах летних перемещений, связаны со случаями смерти, не соответствовавшими устоявшимся, традиционным канонам и обычаям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 32–58.
- Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Вишневская О.А. Центральный Казахстан // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 130–140.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224.
- Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 161–178.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: АлтГУ, 1997. 232 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: АлтГУ, 1985. С. 147–172.
- Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 20–54.
- Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район. Памятники истории // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 149–166.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железного века. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.
- Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
sever626@mail.ru

**Астана, ТОО «Алтын орта»
sania_a-49@mail.ru

The article is devoted to burial complexes of Early Iron Age investigated on the right bank of the Nura river, correlated with antiquities of the Tasmolino culture in Central Kazakhstan. Basing on analysis of burial ritual and ware inventory, the authors justify the early Scythian time of the investigated objects left by early nomads during seasonal migrations.

The Tasmolino culture, the Sadovoye mound, the Shapat cemetery, early Scythian time.